

60 лет косыгинской реформе

Эволюция осмысления сталинской экономической модели в реформаторском контексте

Любовь Николаевна Лазарева

ORCID: 0000-0002-8165-4123

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России,
Государственный университет просвещения
(РФ, 105005, Москва, ул. Радио, 10А, стр. 2);
главный специалист, Российский
государственный архив социально-
политической истории (РФ, 125009, Москва,
ул. Большая Дмитровка, 15);
главный специалист, Российский
государственный архив литературы
и искусства (РФ, 125212, Москва,
Выборгская ул., 3, корп. 1)
E-mail: laz_dom@mail.ru

Дмитрий Владимирович Маслов

ORCID: 0000-0002-7041-9515

Доктор исторических наук,
главный специалист, Российский
государственный архив литературы
и искусства (РФ, 125212, Москва,
Выборгская ул., 3, корп. 1);
главный специалист, Российский
государственный архив социально-
политической истории (РФ, 125009, Москва,
ул. Большая Дмитровка, 15); профессор
кафедры гуманитарных и социальных
наук, РТУ МИРЭА (РФ, 119454, Москва,
пр. Вернадского, 78, стр. 4)
E-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Аннотация

Цель статьи заключается в выявлении особенностей вызревания потребности в рыночной трансформации советской системы хозяйствования на уровне политической элиты, общественного мнения и научного сообщества. При этом, заострив внимание на анализе логики решения современниками событий задачи повышения эффективности народного хозяйства, авторы сознательно отказались от разбора особенностей самой косыгинской реформы. Методология исследования основывается на хронологическом методе, позволяющем проследить изменение позиций по вопросам, определяющим сущность советской экономики. Сравнительный метод использовался для сопоставления позиций акторов реформ по основным вопросам. Междисциплинарный подход ориентировал авторов на привлечение результатов исследований экономической, исторической, социологической и других общественных наук. Институциональный подход предполагал концентрацию исследовательских усилий на базовых институтах советской экономики. Авторы поставили задачу анализа на уровне политической и хозяйственной элит с привлечением материала, отражающего подходы советской экономической науки и доминанты общественного сознания и психологии. Эмпирический материал убедительно демонстрирует, что поиск механизмов повышения эффективности народного хозяйства велся в направлении повышения роли рыночных рычагов на протяжении всего советского периода. Источниковая база, включающая как опубликованные, так и не опубликованные архивные материалы РГАСПИ и РГАНИ, позволяет сделать вывод, что отставшее суверенитет страны во Второй мировой войне советское общество постепенно утрачивало мессианский идеал нового, невиданного на земном шаре мира социальной справедливости и разворачивалось в сторону общества потребления, которое существовало на Западе. Тем не менее анализ позднесоветского этапа реформирования, когда уже стало понятно, что без кардинального изменения самих основ модели хозяйствования нарастающие проблемы решить не удастся, выявляет целый ряд факторов, не позволивших всем акторам процесса завершить переосмысление социалистической экономики.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, косыгинская реформа, горбачевская перестройка, план, рынок

JEL: B14, P21

This Issue's Theme: 60 Years Since the Kosygin Reform

How the Understanding of the Stalinist Economic Model as Reformist Has Evolved

Lyubov N. Lazareva

ORCID: 0000-0002-8165-4123

Dr. Sci. (Hist.), Professor of the Department
of History of Russia, State University
of Enlightenment;^a Chief Specialist, Russian
State Archive of Socio-Political History;^b
Chief Specialist, Russian State Archive
of Literature and Art,^c e-mail: laz_dom@mail.ru

^a 10A, korp. 2, Radio ul., Moscow, 105005,
Russian Federation

^b 15, Bol'shaya Dmitrovka ul., Moscow,
125009, Russian Federation

Dmitry V. Maslov

ORCID: 0000-0002-7041-9515

Dr. Sci. (Hist.), Chief Specialist,
Russian State Archive of Literature and Art;^c
Chief Specialist, Russian State Archive
of Socio-Political History;^b
Professor of the Department of Humanities
and Social Sciences, RTY MIREA,^d
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

^c 3, Vyborgskaya ul., Moscow, 125212,
Russian Federation

^d 78, korp. 4, Vernadskogo pr., Moscow,
119454, Russian Federation

Abstract

The study examines how a set of ideas for eliminating the “bottlenecks” in the Stalinist economic model came about. The goal is to find out the factors responsible for the “maturation” of recognition by the political elite, public opinion and the scientific community that a market transformation of the economy was necessary. The authors chose to avoid analyzing the features of the Kosygin reform itself and instead focus on the logic behind the ways in which contemporaries addressed the need to improve the national economy's efficiency. The research methodology is chronological and tracks the changes in positions on issues that determined the underpinnings of the Soviet economy. A comparative method was also used to distinguish the positions of reformers on the main issues: a planned or market economy, forms of ownership, the role of money, price and wage policy, structural policy, social aspects of the economy, etc. The authors employed an interdisciplinary approach that incorporated research from economic, historical, sociological and other social studies along with a concentration on research that probed the basic institutions of the Soviet economy. The study provides a fresh consideration of the issues raised among the political and economic elites and also connects them with extensive material on Soviet economic theory and prevailing public awareness and psychology. The study concludes that improving economic efficiency was a central concern of reformers throughout the Soviet period. The empirical material clearly demonstrates a growing demand for strengthening the role of “economic levers” in the planned economy. The sources examined, including both published and unpublished archival materials from the Russian State Archive of Socio-Political History and the Russian State Archive of Contemporary History, support the conclusion that the same Soviet society that had defended the country's sovereignty in World War II gradually abandoned the messianic ideal of a new, unprecedented global victory for “social justice” and turned towards the consumer society that characterized the West. Although it had already become clear that the growing economic problems could not be solved without a radical change in the very foundations of the economy, an analysis of the late Soviet stage of reform reveals a number of factors that prevented all agents in the process from taking their rethinking of the socialist economy to its logical conclusion. In many ways, this paralysis predetermined the collapse of the economy and the difficult initial conditions under which post-Soviet states were forced to adopt market economic principles.

Keywords: mobilization economy, Kosygin's reform, Gorbachev's perestroika, plan, market

JEL: B14, P21

Введение

В современной литературе ставится вопрос о возможности разработки теории реформ [Белых, Мау, 2020. С. 2–5], что свидетельствует о потребности в обобщении накопленного эмпирического материала. Наряду с этим утверждается, что реформы, контрреформы и революции составляют единый процесс модернизации, проявляя свой характер в зависимости от страны, времени и обстановки и демонстрируя генетически родственные черты, а лучшим «противоядием» от революции являются «не заклинания, а своевременные и социально эффективные реформы» [Журавлев, 2022. С. 11]. Несмотря на то что косыгинская и горбачевские реформы не смогли решить свои задачи, их изучение позволяет понять причины, почему «противоядие» от революции (как справедливо характеризуется в современной историографии демонтаж советского строя в 1989–1991 годах) так и не было найдено. Учитывая вышеизложенное, авторы сосредоточили анализ на том, какую именно экономику и в каком направлении собирались преобразовывать советские реформаторы. Представляется важным и то, что тезис «реформы ликвидировали эффективно работавшую сталинскую экономическую модель» [Галушка и др., 2021. С. 25] имеет сторонников в продолжающейся дискуссии о причинах исчезновения СССР с геополитической карты мира. Поэтому авторы сочли необходимым на основе эмпирического материала выявить, с одной стороны, объективность запроса на реформы¹, с другой — сложность процесса переоценки значения экономических рычагов в плановой экономике. Представляется, что изучение реформ через комплексный анализ оценок правящих элит, научного общества и советских граждан дает возможность выявить специфику формирования концептуальной основы преобразований экономической модели и закономерность итогов этих преобразований. Если бы Алексей Николаевич Косыгин на рубеже 1960–1970-х годов стал действовать радикальнее, то власть получила бы примерно такие же противоречивые реакции «снизу» и, скорее всего, затормозила экономические реформы, как это позже произошло с горбачевскими реформами. О полезности изучения позиций пяти акторов советских реформ («теоретик», «реформатор», «государь», «элита», «народ») уже говорилось в научной литературе [Белых, Мау, 2020. С. 23–24; 2023. С. 89–90].

¹ Материалы XVIII Всесоюзной партийной конференции отчетливо демонстрируют запрос на повышение эффективности хозяйствования и выявление современниками узких мест, ликвидация которых в преддверье военных испытаний была предпринята чрезвычайными методами, но к осмыслению которых вернулись новые руководители страны уже после смерти Сталина.

1. Феномен сталинской экономики

Начнем с того, как именно правящая элита представляла особенности сложившейся в СССР экономической модели. Позицию Иосифа Виссарионовича Сталина отчетливо демонстрирует его беседа с учеными-экономистами в январе 1941 года. Заключительным камнем советской экономики лидер партии считал директивное планирование в натуральных и ценовых показателях. При этом приоритеты планирующего центра были расставлены так: на первом месте — «добиться того, чтобы металл и машины иметь в своих руках, чтобы не стать придатком к капиталистическому хозяйству», на втором — «закрепить безраздельное господство социалистической системы хозяйства», на третьем — «не допускать диспропорций» [Учебник должен пользоваться..., 2012. С. 7–10].

Сталин курировал создание учебника «Политическая экономия» (работа над ним длилась восемнадцать лет, и к ней были привлечены лучшие научные силы страны)². Понятно, что раздел «Социалистическая система народного хозяйства» [Островитянов, 2021. С. 375–553], описывающий взаимодействия важнейших механизмов экономической модели, отражает взгляды не только ученых, но и руководства страны.

Авторы учебника утверждали: «Социалистическая промышленность играет ведущую роль в народном хозяйстве; она вооружает передовой техникой все отрасли народного хозяйства. Это достигается более быстрым ростом отраслей, производящих средства производства, высоким уровнем развития машиностроения. Тяжелая индустрия есть основа основ социалистической экономики» [Островитянов, 2021. С. 376]. Высокие темпы развития сектора А (производства средств производства) достигались перераспределением ресурсов из других отраслей экономического комплекса. Коллективизация позволила государству устанавливать заготовительные цены на основные виды сельскохозяйственной продукции в 10–12 раз ниже рыночных. Заработанное в колхозе на трудодни не обеспечивало крестьянам прожиточного минимума — их кормило личное подсобное хозяйство [Земсков, 2018. С. 235]. Давление с помощью налоговой системы вынуждало продавать на колхозном рынке и часть продукции личных хозяйств. Этот канал снабжения городского населения эффективно дополнял государственные.

Установка «закрывать источники и клапаны капитализма» реализовывалась через приоритет народно-хозяйственной рентабельности над эффективностью конкретного предприятия и

² Учебник вышел в свет уже после смерти Сталина, в августе 1954 года.

подчинением «рыночного сектора» (промкоопераций, артелей инвалидов и т. п.) плановому. Учебник политической экономии объяснял: «При социализме сфера товарного производства и товарного обращения ограничена главным образом предметами личного потребления» [Островитянов, 2021. С. 439]. Несмотря на то что система директивных заданий дополнялась экономическими рычагами: поощрительными расценками труда, премиальным стимулированием, заготовительными ценами на особо нужные государству культуры, директорскими фондами предприятий и т. п., — тем не менее материальные стимулы были ограничены. Причем не только концептуальными установками, но и дефицитом товарного покрытия вследствие приоритета сектора А.

Требование «не допускать диспропорций» реализовывалось сложной системой планирования и контроля. Государственные задания нацеливали трудовые коллективы наращивать объемы выпуска, повышать качество и снижать себестоимость указанной им наркоматами номенклатуры изделий. Это подкреплялось ценовой, кредитной и налоговой политикой. Вместе с тем на основе опыта передовых предприятий устанавливались «прогрессивные нормы затрат труда и материалов». Сталинский учебник сообщал: «Прогрессивные нормы имеют большое мобилизующее значение, так как побуждают хозяйственных руководителей и массы трудящихся изыскивать способы рационализации производства, внедрения передовой техники, повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции» [Островитянов, 2021. С. 442]. По мнению нынешних исследователей, небольшая несбалансированность планов, преодолеть которую можно было лишь за счет роста производительности труда, мотивировала трудовой коллектив на борьбу с производственными издержками и подстегивала внедрение инноваций [Сафронов, 2025. С. 237–249]. На выполнение государственных заданий «при наименьших затратах труда и средств производства» [Островитянов, 2021. С. 463] подталкивало трудовой коллектив и применение хозяйственного расчета, задачей которого была эффективность деятельности предприятия через «контроль рублем». «Хозяйственный расчет есть метод планового ведения хозяйства в социалистическом предприятии», — подчеркивалось в учебнике [Островитянов, 2021. С. 463].

Фундаментальной особенностью сталинской социально-экономической модели представляется то, что нащупанные практиками в ходе решения задач догоняющей модернизации механизмы собирались в единую систему установкой на созидание коммунистического общества. Поэтому Госплан лишь рассчитывал траек-

торию движения к поставленным ЦК ВКП(б) и одобренным на съездах партии целям.

2. Особенности осмысления сталинской модели экономики в преддверии военных испытаний (1939–1941)

Схема устройства сложнейшей конструкции народно-хозяйственного комплекса страны, изложенная в сталинском учебнике политической экономии, описывала идеальный вариант его функционирования. В преддверии военных испытаний осмысление феномена сложившейся в СССР экономической модели развернулось в форме поиска способов повышения ее эффективности. Это было вопросом выживания. Поэтому поражает своей откровенностью остроота оценок, звучавших в те годы с официальных трибун многочисленных совещаний, на которых пытались найти способы устранения недостатков в кратчайшие сроки. Размышления и дискуссии советских экономистов пред- и послевоенного времени, включая и период косыгинской реформы, рассматривались в научной литературе [Мау, 2017. С. 427–480, 525–560]. Непубликованные архивные материалы позволяют добавить к этой картине важные детали.

Делегаты последнего предвоенного съезда ВКП(б) 10–21 марта 1939 года указывали на неэкономное расходование сырья, простои из-за смежников, некачественный ремонт оборудования, высокую долю брака в выпускаемой продукции и т. п.³

В докладе главы правительства Вячеслава Михайловича Молотова были выделены проблемы, от решения которых зависела реализация программы третьей пятилетки. Ликвидация сбоев хозяйственного механизма связывалась с улучшением инструментов, мотивирующих трудовые коллективы на снижение себестоимости⁴ и обеспечивающих быстрое внедрение в производственный процесс изобретений и рационализаторских мер⁵. Подчеркивалась и важность материального стимулирования: «Тем, кто будет работать лучше, обеспечено увеличение заработной платы значительно выше среднего уровня»⁶.

Редакция «Правды» получила 5450 статей и писем, посвященных проблемам, обсуждавшимся на XVIII съезде. Из них 1875 касались узких мест экономики⁷. Авторы писем на первое место ставили вопрос «омертвления ресурсов». Для его решения пред-

³ РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 10. Л. 254. Д. 11. Л. 186. Д. 13. Л. 43.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 229.

⁵ Там же. Л. 232.

⁶ Там же. Л. 237.

⁷ Там же. Д. 49. Л. 76, 82.

лагалось усилить контроль и облегчить получение информации о наличии ненужного на конкретном предприятии оборудования: «создать при СНК СССР комитет по междуведомственному контролю использования и мобилизации излишнего оборудования»⁸, «при междуведомственной организации по выявлению и реализации оборудования издавать “Всесоюзный бюллетень спроса и предложения оборудования” и рассылать по заводам»⁹.

Второе место в поступавшей корреспонденции занимала проблема внедрения инноваций. Опять же, речь в письмах шла об усилении контроля (вплоть до введения уголовной ответственности за срыв внедрения новой техники¹⁰). Эти меры дополнялись предложениями о централизации планирования научно-исследовательских работ (например, передать планирование из отдельных наркоматов в общий центр при СНК СССР)¹¹ и улучшении материальной базы рационализаторства (например, за счет специальных опытных цехов при заводах, нацеленных на обслуживание процесса внедрения новых разработок)¹².

На третьем месте стояла проблема кооперирования предприятий. Решение виделось в персональной ответственности за срыв государственного задания как хозяйственников¹³, так и производственного звена¹⁴.

Интересный штрих к портрету предвоенного общества добавляет то, что запрос на ликвидацию дефицита товаров широкого потребления упоминается лишь после предложений об улучшении дел в строительстве (в том числе и обеспечении отрасли необходимыми материалами), машиностроении, электрификации и управлении народно-хозяйственным комплексом¹⁵.

Безусловно, письма в главную партийную газету отправляли наиболее сознательные граждане — вряд ли снижение уровня жизни (и до этого далекого от изобилия) вызывало энтузиазм. Выступление на совещании в ЦК ВКП(б) агитатора с завода им. А. А. Масленникова (Куйбышевская область) раскрывает логику аргументов, направленных на достижение лояльности основной массы трудящихся. Агитатор утверждал, что, когда было повышение цен, ему было очень легко отвечать на вопросы рабочих, «потому что рыночные цены у нас на базаре такие сумасшедшие, что открылись магазины и люди успокоились, не будет больше

⁸ РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 255.

¹⁰ Там же. Д. 49. Л. 91.

¹¹ Там же. Л. 60.

¹² Там же. Л. 86.

¹³ Там же. Д. 48. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 58.

спекуляции, меньше будут зарабатывать спекулянты» — лучше купить у государства, которое финансирует строительство новых заводов и фабрик¹⁶. Таким образом, неприятие частника (который зачастую торговал не от хорошей жизни) и готовность общества к жертвам представляются важными факторами, повышавшими эффективность сталинской модели.

Пожеланиям сознательных граждан в целом соответствовала и выбранная руководством страны стратегия улучшения хозяйственного механизма: установка на непрерывную модернизацию в ведущих отраслях промышленности, рационализацию и специализацию производства, совершенствование механизмов планирования сочетались с ужесточением контроля.

Можно предположить, что высокая степень поддержки экономической политики государства была обусловлена тем, что современники ощущали дыхание войны: в марте 1939 года, когда в Москве проходил XVIII съезд ВКП(б), нацистская Германия предъявила ультиматум Польше — отдать Данциг (Гданьск). Через полгода началась Вторая мировая война. За ее приближением к границам СССР с тревогой следили даже школьники, фиксируя в своих дневниках сводки с фронтов.

Руководитель Госплана СССР Николай Алексеевич Вознесенский, выступая на проходившей в Москве в феврале 1941 года XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б), был обеспокоен: задание по темпам роста производительности труда за три года пятилетки не выполнено — был запланирован рост на 14%, на практике он составил 13%¹⁷. Особенно Вознесенского тревожило отставание ввода в действие новых мощностей. Поэтому нелицеприятный разговор о трудностях и подводных камнях катастрофического невыполнения плановых заданий был продолжен. Помимо тех болевых точек, о которых уже шла речь (неритмичность работы предприятий, срывы поставок смежникам, омертвление материальных ресурсов, куда относили как накапливание запасов, так и неполную загрузку оборудования, пробуксовка внедрения инноваций, чрезмерная централизация, перегруженность отчетами и т. п.), управленцы отмечали проблему делегирования полномочий директорам предприятий. Так, директор Кировского завода Исаак Моисеевич Зальцман заявил: «Директор завода должен иметь право отчетываться за свою деятельность только по основным важнейшим элементам, характеризующим результаты работы предприятия в целом: план, стоимость, фонд заработной платы...»¹⁸ В годы Великой Отечественной войны Зальцман обе-

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 477. Оп. 125. Д. 13. Л. 51.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2. Л. 127.

¹⁸ Там же. Л. 16.

спечит стремительный рост выпуска танков KB-1 на Кировском заводе, проведет его эвакуацию в Челябинск и на новом месте в кратчайшие сроки запустит производственный процесс. Пока же, в феврале 1941 года, Зальцман настаивал: запрос на быстрый переход предприятия на новые виды продукции требует предоставления директору возможности самостоятельно распоряжаться ресурсами: например, увеличивать в нужный момент количество инженерного персонала за счет других категорий работающих или перераспределять средства для ввода необходимых мощностей. «Директор должен быть полновластным хозяином и исполнителем закона на предприятии, а работники завода должны знать, что без ведома директора никто никаким образом не может их наказать или привлекать к ответственности»¹⁹.

Вместе с тем отчетливо прослеживается и опасение снижения контроля из-за оппортунистического поведения хозяйствующих субъектов. Например, второй секретарь ЦК КП(б) Украины Михаил Алексеевич Бурмистренко предостерегал: «Имеются и такие случаи, когда некоторые директора заводов для того, чтобы ослабить со стороны парторганизации критику недостатков их руководства, становятся на путь задабривания руководителей парторганизаций, проявляют при этом исключительную щедрость за счет государственного кармана...»²⁰ Еще жестче было выступление секретаря Ленинградского горкома партии Алексея Александровича Кузнецова, который обвинял руководителей предприятий в нежелании выполнять новые заказы, осваивать новую технику, в недозагрузке имеющегося у них оборудования²¹.

Материалы конференции позволяют выявить различные подходы и к решению проблемы горизонтальных связей. Партийные управленцы из регионов сетовали на то, что им приходится бороться за своевременное обеспечение предприятий ресурсами для выполнения плановых заданий с наркоматами, главками и снабженческими организациями²². Директорский корпус видел выход в усилении кооперирования по территориальному принципу — так считал уже цитировавшийся нами ранее Зальцман: «Горький опыт последнего времени по кооперации с заводами других областей показал нам, что, несмотря на все принятые меры, результаты неудовлетворительные. Это значит, что надо стремиться к тому, чтобы сколь возможно кооперацию сохранить, я бы сказал, в пределах сферы влияния городской и об-

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

²⁰ Там же. Д. 5. Л. 4.

²¹ Там же. Д. 2. Л. 28.

²² Там же. Л. 127.

ластной партийных организаций...»²³ Вознесенский, исходя из ведомственного принципа управления, требовал от наркоматов организовать кооперацию, но «прежде всего в пределах данного экономического района»²⁴.

Большинство выступавших на партийном форуме соглашались с предложениями, прозвучавшими в докладах руководителей страны: решение задачи значительного роста производительности труда и борьбы с непроизводственными издержками связывалось с одновременным усилением партийного контроля и улучшением системы материальной мотивации — заинтересовать управленцев рублем в выполнении напряженных плановых заданий²⁵. Вознесенский подчеркивал важность соблюдения такого условия: рост производительности труда должен обгонять увеличение средней заработной платы (например, в плане 1941 года намечалось повышение производительности труда на 12% при росте средней заработной платы на 6,5%)²⁶. Большинство предвоенной управляющей элиты считало корректировку системы материального стимулирования действенным способом решения проблем сталинской экономики. Это подтверждает резолюция конференции по докладу секретаря ЦК ВКП(б) Георгия Максимилиановича Маленкова, где было сформулировано требование «строго и последовательно проводить принцип материального поощрения хорошо работающих»²⁷, а также материалы февральского (1941 года) Пленума ЦК ВКП(б), на котором был принят проект изменения системы премирования руководящих хозяйственных и инженерно-технических работников [Беспятова, 2023. С. 250]. Работа над этим вопросом не была остановлена даже в октябре 1942 года [Сталинское экономическое..., 2017. С. 150]!

Какую роль в осмыслении особенностей экономической модели играло научное сообщество? Сошлемся на мнение нынешних исследователей: «Несмотря на драматизм и трагические обстоятельства ostrакизма в отношении инакомыслящих ученых, работа экономической мысли не прекращалась» [Беспятова, 2023. С. 237]. Но экономическая мысль была зажата тисками аксиомы: «На смену законам товарно-капиталистического общества пришли новые законы, осознанные и сознательно формулируемые государством» [Вознесенский, 1931. С. 38]. В этом контексте очень показательна статья [Кронрод, 1940. С. 65–79], в которой (после политесов в адрес вождя) всё-таки поставлена проблема выявления глубинных меха-

²³ РГАСПИ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

²⁴ Там же. Л. 178.

²⁵ Там же. Д. 5. Л. 152.

²⁶ Там же. Д. 8. Л. 188.

²⁷ Там же.

низмов развития народного хозяйства в условиях общественной собственности на средства производства. Позиция Сталина, высказанная в беседе с учеными в январе 1941 года (руководитель партии говорил о том, что закон стоимости не преодолен, государству пока не может командовать ценами, нельзя на всё искать ответы у Маркса — «надо самим головой работать, а не нанизывать цитаты» [Учебник должен пользоваться..., 2012. С. 10]), давала официальную прописку товарно-рыночным отношениям в народном хозяйстве и раздвигала теоретические рамки формирования политической экономии социализма [Журавлев, 2014. С. 54–61]. Но, помня о печальной судьбе участников дискуссий 1920-х годов, научное сообщество осторожно встретило теоретические новации Сталина — в служебной записке Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1941 года констатировалось: «Для наших экономистов характерно непреодолимое тяготение к вульгарному эмпиризму, к внешнему поверхностному описанию и, наоборот, боязнь анализа и смелых теоретических обобщений»²⁸.

Таким образом, в преддверье военных испытаний развернулся активный поиск способа повышения эффективности сталинской экономики. Тон задавали практики — те, с кого требовали обеспечить выполнение и перевыполнение напряженных плановых заданий. Несмотря на активный поиск способов преодоления недостатков сложившейся экономической модели, речь шла лишь о повышении эффективности ее конкретных механизмов. Причем решения искали в плоскости, заданной сталинскими требованиями к планированию. Чрезвычайная обстановка диктовала и чрезвычайные меры: ужесточение и усиление всех видов контроля, мобилизация «приводных ремней» партийного аппарата. Представляется важным и то, что уже в предвоенной дискуссии четко выделяются проблемы, на решение которых была впоследствии направлена косыгинская реформа: баланс горизонтальных и вертикальных связей, допустимая степень централизации принятия решений, возможность делегирования полномочий хозяйственным субъектам, усиление роли материального стимулирования.

3. Послевоенный этап формирования парадигмы косыгинской реформы

В современной историографии подробно исследованы и особенности развернувшегося после войны мозгового штурма, направленного на осмысление феномена сталинской модели, и формирование объективного запроса на ее реформирование, и

²⁸ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 28. Л. 3.

попытки корректировать отдельные механизмы, усиливая противоречия в сложной системе управления народно-хозяйственным комплексом страны. Тем не менее представляется нужным обсудить факторы, которые, по мнению авторов, обусловили формирование парадигмы косыгинской реформы.

Прежде всего, как было показано выше, готовность общества к жертвам во имя великих целей (в преддверье войны — отражение агрессии гитлеровской Германии) была важной составляющей эффективности сталинской модели. Гораздо позже, уже в 1970-е годы, Молотов говорил в интервью: «Перед войной мы требовали колоссальных жертв — от рабочих и от крестьян. Крестьянам мало платили за хлеб, за хлопок и за труды — да и нечем платить-то было! Из чего платить? Нас упрекают: не учитывали материальные интересы крестьян. Ну, мы бы стали учитывать и, конечно, зашли бы в тупик. На пушки денег не хватало!» [Чуев, 1999. С. 47]. И подавляющее большинство это понимало и принимало.

В январе 1964 года Петр Ефимович Шелест, первый секретарь ЦК КПУ, записал в своем дневнике: «...со снабжением дела очень плохие. Идет много справедливых нареканий. Мы “пытаемся разъяснить”, но разъяснения кушать не будешь» [Шелест, 2016. С. 197]. Подобные проблемы не вызывали трудностей у агитаторов в начале 1941 года.

Проведенный газетой «Комсомольская правда» анализ опросов читателей позволил выявить важные черты общества начала 1960-х годов: социальный оптимизм, низкие запросы в сфере материальных благ (быть сытыми, одетыми, иметь крышу над головой), активная поддержка политики КПСС, ярко выраженный патернализм [Грушин, 2001. С. 156]. Хотя социалистический образ жизни в целом устраивал советских граждан («Социализму — да, капитализму — нет! — таков был их дружный, без колебаний вердикт, относившийся ко всем обсуждавшимся сферам жизни общества...» [Грушин, 2001. С. 533]), тем не менее «в разных слоях общества, преимущественно среди молодежи, появились “белые вороны”, ориентировавшиеся на западные, то есть как раз капиталистические, модели» [Грушин, 2001. С. 533]. Вместе с тем даже «многие 9- и 10-летние дети на удивление хорошо знали, что такое взятки и блат и кто такие спекулянт и бюрократ» [Грушин, 2001. С. 537]. И вывод: «...несмотря на все усилия КПСС, на десятилетия неустанного труда ее активистов, историческое противоречие между общественным и личным оставалось всё же в значительных масштабах непреодоленным» [Грушин, 2001. С. 547].

Представляется действенным фактором сдвига в социальной психологии и общественном сознании массовое (110 млн человек

за хрущевское десятилетие!) переселение советских граждан из коммуналок в отдельные квартиры: «Власть, не ведая того, способствовала, в частности, развитию инакомыслия, которое нередко начиналось с “кухонной демократии”, застольных дискуссий интеллигентов, а на закате “перестройки” материализовалось, обрело форму социального действия и “выплеснулось” на улицы больших и малых городов» [Журавлев, 2018. С. 804]. Победив в страшной войне, а затем совершив трудовой подвиг, отстраивая страну заново, советские граждане хотели наконец-то получить «мещанский уют» в своих новых квартирах. Урбанизовавшееся общество требовало иных мессианских идей и высоких смыслов. Светловские романтики становились историей.

Фундаментом сталинской экономики было директивное планирование. Но план при этом (по меткому определению Станислава Густавовича Струмилина) — лишь «отрезок партийной программы»²⁹. Именно там должна была быть сформулирована стратегия развития страны на новом витке модернизации. В третьей Программе КПСС коммунистическое будущее виделось обществом изобилия. Этот тренд уже прослеживается в работе над новым проектом программы партии в 1947 году. В варианте авторского коллектива, состоявшего из Георгия Федоровича Александрова, Константина Васильевича Островитянова, Петра Николаевича Федосеева, читаем: «Исходя из того, что потребности граждан СССР в предметах первой необходимости будут удовлетворены уже в ближайшие годы, ВКП(б) в целях более всестороннего удовлетворения государством личных потребностей трудящихся будет всемерно содействовать производству: автомобилей, музыкальных инструментов, художественных и ювелирных изделий, высокого качества одежды, обуви, всевозможной фарфоровой и хрустальной посуды, мебели из ценных сортов дерева, высокохудожественных изделий и т. д. — словом, всего того, что украшает жизнь, отвечает разнообразным индивидуальным вкусам, содействует развитию новых культурных навыков и потребностей, воспитанию разносторонне развитой личности» [Сталинское экономическое..., 2017. С. 47].

Сталин сделал попытку осмыслить феномен сформировавшейся модели в «Экономических проблемах социализма в СССР» (по сути, он резюмировал результаты многолетнего мозгового штурма обществоведов и хозяйственников-практиков): «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким об-

²⁹ Гловели Г. Д. История экономических учений: учеб. пособие для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. С. 339.

разом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [Сталин, 1952. С. 40]. Эту формулировку Молотов считал неверной. Он утверждал, что такой подход ведет к потребительству: «Если мы не разберемся в этом деле, попадем в очень трудное положение» [Чуев, 1999. С. 585].

Несмотря на то что культ личности был осужден, а работа «Экономические проблемы социализма в СССР» раскритикована, в Программе КПСС, принятой на XXII съезде, цель социализма определялась как «всё более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства» [Атлас, 1962, С. 49]. Заданный на сталинском этапе мозгового штурма вектор еще больше сместился в сторону общества потребления.

На страницах экономических журналов пропагандировался значительный рост уровня жизни: «С достижением высококачественного питания в течение ближайшего десятилетия советские люди смогут приобретать в достатке предметы широкого потребления, а в последующем десятилетии спрос на них станет удовлетворяться в полной мере. В ассортименте этих товаров повысится доля высококачественных изделий, добротных и нарядных, отвечающих растущим эстетическим потребностям народа» [Белик, 1962. С. 10].

Заданная новой программой партии цель требовала иной расстановки приоритетов — обгоняющее развитие сектора А мешало быстро создать товарное покрытие и удовлетворить платежеспособный спрос населения. К тому же изменилось само общество: исчезла готовность терпеть тяготы и лишения, советским людям обещали быстрый рост благосостояния. Менялась и экономическая стратегия: к 1970 году в стране не должно было остаться низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих, сокращался разрыв в оплате труда работников с низшими и высшими уровнями доходов [Белик, 1962. С. 8]. Вместе с тем рост производительности труда, опережающий темпы увеличения доходов, выступал одним из важных условий эффективности сложившейся в СССР системы хозяйствования.

К 1980 году общественные фонды потребления должны были составить около половины в общем объеме потребления населением материальных благ: «На основе опережающего роста общественных фондов их доля в общей сумме доходов населения постепенно будет приближаться к “критическому” уровню, в гра-

ницах которого еще сохранится личный материальный стимул в развитии производства...» [Белик, 1962. С. 8]. Таким образом, изменялась система материального подкрепления интенсификации труда и стимулирования внедрения инноваций, выработанная сталинскими экономистами. На новом этапе модернизации сталинская модель требовала замены новой, отвечающей вызовам времени парадигмой.

Политическая элита понимала, что необходимо лечить экономическую систему, решая проблемы узких мест. Но к кардинальным переменам она не была готова. Например, Дмитрий Тимофеевич Шепилов, критиковавший сталинские методы руководства страной, написал в мемуарах: «Экономика... развивалась очень высокими темпами, совершенно недоступными капиталистическому миру» [Шепилов, 2017. С. 195]. Такой же позиции придерживался и Алексей Николаевич Косыгин. Заместитель главы правительства Владимир Николаевич Новиков вспоминал слова своего непосредственного начальника: «...выходить из тяжелейших кризисов нам позволяло плановое хозяйство, и, видимо, в ближайшее время никто ничего лучшего не придумает» [Премьер известный..., 1997. С. 118]. Представляется аргументированным вывод: Алексей Николаевич сам деятельно участвовал в создании сталинской модели советской экономики. В ее безальтернативности его убедила война [Телицын, 2022. С. 81]. Поэтому в развернувшейся дискуссии сторонников «харьковской системы» (новаций Евсея Григорьевича Либермана) и «консерваторов» (противников демонтажа действующей модели хозяйствования) выбором руководителя правительства стало устранение недостатков через повышение эффективности работы отдельных узлов.

Остается добавить, что Косыгин был активным участником предвоенного этапа попытки осмысления феномена советской экономики, а в начале 1960-х годов научное сообщество и практики пытались найти способ убрать узкие места, выявленные еще в конце 1930-х — начале 1940-х годов.

Таким образом, косыгинская реформа представляется закономерным этапом развития сталинской социально-экономической модели. В качестве ключевых факторов, повлиявших на формирование парадигмы реформы, можно выделить изменения в социальной психологии и общественном сознании, трансформацию цели экономического развития общества, особенности мировоззрения советской политической элиты и Косыгина как ее яркого представителя.

Косыгинская реформа, как принято считать, была спущена на тормозах, против ее продолжения действовали факторы не только экономические, но и политические [Белых, Мау, 2023. С. 101].

Но очень быстро, по меркам истории, связанные с этой нереализованной реформой теоретические наработки оказались востребованными. Очередные крупные реформы в экономике после козыгинской последовали в СССР в период перестройки. Михаил Сергеевич Горбачев и его будущая команда осознали необходимость экономических реформ задолго до марта 1985 года. Свидетельств об этом немало в воспоминаниях самого Горбачева и других активных участников событий [Горбачев, 1995. С. 135–143]. В них прослеживаются попытки соединить «преимущества плановой системы» с экономическими реалиями. В значительной мере такие представления разделялись тогда значительной частью населения, исключая тех немногих экономистов, кто уже успел разочароваться в плановой экономике и видел спасение в рынке.

4. Представления о сущности советской экономики на начальном этапе горбачевских преобразований (1985–1986)

Лишь некоторые экономисты уже в начале 1980-х годов считали советскую плановую экономику тупиковым путем развития и являлись приверженцами рынка [Авен, Кох, 2012. С. 82–84]. Конечно, были и рядовые граждане с вполне рыночным мышлением. Их мысли редко выходили за пределы частных бесед в узком кругу; впрочем, иногда, как показывают, в частности, письма граждан в руководящие инстанции в связи с обсуждением проекта новой Конституции СССР в 1977 году, некоторые (открыто или анонимно) делились своими «рыночными» соображениями и с «верхами» [Реформы в России..., 2016. С. 583–584].

Содержание взглядов основной массы населения, включая и значительную часть руководства страны, на природу советской экономики на первом этапе можно охарактеризовать следующим образом. Прежде всего это сохраняющаяся уверенность в том, что плановая экономика выдержала испытание временем и по-прежнему остается наилучшей экономической системой, имеющей неоспоримые преимущества перед экономикой капиталистической. Соответственно, ставилась задача не ухода от плана, а дальнейшего «совершенствования практики планирования», ликвидации узких мест. Задача ускорения научно-технического прогресса выдвигалась еще генсеками Леонидом Ильичом Брежневым и Юрием Владимировичем Андроповым. Вновь взятая на вооружение в 1985 году, эта задача могла препятствовать выполнению плана, поэтому Горбачев летом 1986 года витиевато предложил при принятии плана заложить «юридически право на широкий маневр в рамках общей стратегии» [В Политбюро., 2006. С. 49]. Признал Горбачев и то, что существующая практика пла-

нирования «от достигнутого» не поощряет инициативу, так как хозяйственники боятся перевыполнять планы, чтобы исключить их увеличение в будущем [В Политбюро., 2006. С. 69].

Однако есть и свидетельства об иных настроениях «наверху». Так, Николай Иванович Рыжков в мемуарах пишет, что уже в 1986 году в правительстве думали о курсе на рынок, но он был не согласен с Александром Николаевичем Яковлевым и Вадимом Андреевичем Медведевым, называя их леворадикалами³⁰, предлагавшими отказаться от плановой экономики. К названным лицам Рыжков причислил и Горбачева [Рыжков, 1995. С. 165–166]. Институциональные проблемы пока еще редко возникали в размышлениях о советской экономике. Так, одна из основ экономики — социалистическая собственность — по-прежнему считалась имеющей неоспоримые преимущества перед частной собственностью. Тем не менее уже в 1986 году на заседании Политбюро ЦК КПСС (далее — ПБ) глава правительства Рыжков впервые на таком уровне признал, что, несмотря на десятилетия разговоров о социалистической собственности, «теоретически глубинной разработки этого вопроса нет» [В Политбюро., 2006. С. 27]. В том же году секретарь ЦК КПСС Анатолий Федорович Добрынин, почти четверть века являвшийся послом СССР в США, рассуждая о самофинансировании, попытался дать такое теоретическое обоснование: «Вот так и будет возникать новая форма собственности... на почве самофинансирования. Как тут быть? Опять ведь “угроза социализму”? А может быть, и в самом деле — новая форма социалистической собственности? Может, практика действительно выводит нас на новые теоретические понятия?» [В Политбюро., 2006. С. 91].

Периодически высказывалась мысль, что отсутствие конкуренции не идет на благо советской экономики [В Политбюро., 2006. С. 54]. Именно тогда, летом 1986 года, генсек впервые предложил (правда, пока на узком совещании с помощниками в связи с подготовкой его поездки во Владивосток) «поставить вопрос о рынке» и сказать о том, что «мы за здоровую конкуренцию, за развитие кооперации» [В Политбюро., 2006. С. 72]. Конечно, Горбачев не имел в виду переход к рыночной экономике, но идея использования некоторых рыночных механизмов уже просматривается.

Еще в начале перестройки руководством страны осознавалась проблема давления на экономику избыточной денежной массы. Но серьезность этой угрозы на тот момент недооценивалась, о чем прямо сказал Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе на заседа-

³⁰ В годы перестройки политические фланги долгое время путали, называя левых правыми, и наоборот. В этом случае Яковлева и Медведева следовало бы назвать правыми.

нии ПБ 27 октября 1986 года, признав, что не каждый член ПБ может квалифицированно судить о финансах [В Политбюро., 2006. С. 96, 101].

Что касается ученых-экономистов, то они, как и высшее руководство, в целом оставались еще на прежних позициях в вопросах о сущности советской экономики и ее узких местах. Поэтому Горбачев признал в конце 1986 года, что «экономистов у нас наперечет. А какие есть — все политэкономы. Реально дело делать никто не умеет». Приверженностью цифрам, по мнению Горбачева, прикрываются реальные проблемы экономики, не вскрываются причины и отсутствуют предложения, что делать дальше [В Политбюро., 2006. С. 66–67, 121]. Претензии экономической науке высказывал и Яковлев, заявив в 1986 году на Политбюро, что не появилось ни одной новой статьи о том, «как должны действовать товарно-денежные отношения» [В Политбюро., 2006. С. 55].

Поэтому упрекать высшее руководство в нежелании прислушиваться к экономической науке нет оснований. По имеющейся информации, не позднее 1981 года Горбачев уже контактировал с учеными-экономистами [Болдин, 1995. С. 31, 100–102]. Изучался и опыт реформ в братских соцстранах, но без видимых результатов [Медведев, 1994. С. 37].

Таким образом, на первом этапе реформ можно обнаружить доминирование идеологических представлений о советской экономике и путях ее совершенствования на всех уровнях общества. Исключения (в частности, экономисты, близкие к Егору Тимуровичу Гайдару и Анатолию Борисовичу Чубайсу, уже не один год занимавшиеся изучением рыночной экономики [Авен, Кох, 2013. С. 82–88]) носили маргинальный характер и практически не оказывали серьезного влияния на осмысление новых экономических реалий. Однако проблемы нарастали, и уже на следующем этапе в размышлениях о советской экономике появились качественно новые элементы.

5. Радикализация представлений о сущности советской экономики на втором этапе перестройки (1987–1989)

К 1987 году в руководстве страны утвердилось мнение, что причины первых неудач в экономике коренятся в утвердившейся административно-командной системе [Горбачев, 1995. С. 308–309; Согрин, 1994. С. 26].

Приверженность плановой экономике, особенно в начале этого этапа, еще сохраняется, о чем свидетельствуют материалы ПБ. На его заседании 12 февраля 1987 года генсек заявил, что, несмотря на ухудшение экономических показателей за январь, «от

планового начала в экономике мы не откажемся» [В Политбюро., 2006. С. 146]. Сегодня трудно поверить, что на заседании ПБ 5 мая 1988 года обсуждалась концепция экономического и социального развития СССР... до 2005 года [В Политбюро., 2006. С. 341]. При этом речь уже пошла о необходимости новых, по выражению генсека, «существенных теоретических заходов» — о формах хозяйствования, роли цен [В Политбюро., 2006. С. 159]. В поисках этих «заходов» лидеры пытались возвратиться к идеям косыгинской реформы. На ПБ 30 апреля 1987 года генсек поделился своими размышлениями о ней: попытка реформ 1950–1960-х годов провалилась потому, что вверху никто не хотел отдавать своих прав; надо от диктата производителя перейти к диктату потребителя [В Политбюро., 2006. С. 172]. На ПБ 11 июня 1987 года Горбачев вновь возвращается к этой теме и предлагает коллегам вспомнить 1965 год, реформу Косыгина — Либермана. Почему не получилось? — спрашивает генсек и отвечает: потому что не последовали совету Витте, который говорил, что если проводить реформу, то надо делать это глубоко и быстро [В Политбюро., 2006. С. 196].

Тем не менее в рамках рассматриваемого этапа в высшем руководстве прослеживается постепенное изменение отношения к идее плана. На ПБ 12 октября 1989 года Горбачев уже высказывается в том смысле, что план нужен прогностический, оценочный, ориентирующий [В Политбюро., 2006. С. 515–516]. Очевидно, что речь здесь уже не о плане в привычном со времен первых пятилеток понимании. Но и в 1990 году, когда уже всюду обсуждались программы перехода к рынку, продолжались дискуссии о параметрах плана тринадцатой пятилетки.

Наболее болезненной темой являлась корректировка цен на потребительском рынке. Росло понимание того, что без приведения цен в соответствие с затратами проблем экономики не решить. Но также, как и на первом этапе, у руководства не хватило духу на решительный шаг. Колебания в этом вопросе были и у самого Горбачева. Причем его позиция не была устойчивой. Так, на ПБ 23 апреля 1987 года он призывает «идти на коренную перемену с ценами. Хлеб и мясо — цены держать, на остальные продукты отпускать» [В Политбюро., 2006. С. 171]. Вроде бы рубикон перейден. Но в ответ на реплику Шеварднадзе на ПБ 14 мая того же года — выходить на пленум и говорить народу о ценах откровенно [В Политбюро., 2006. С. 184] — Горбачев предложил туманную формулу: о ценах сказать в порядке постановки задачи и порассуждать в дискуссии. Борис Николаевич Ельцин фактически поддержал генсека в этом вопросе, отметив, что «общество не готово» [В Политбюро., 2006. С. 184]. Горбачев

подытожил: «Изменение цен не должно подрывать жизненного уровня населения» [В Политбюро., 2006. С. 185–187].

Проходит еще год, и на ПБ 14 апреля 1988 года Медведев констатирует, что перестройка системы цен рассматривается вне связи с другими важнейшими элементами экономической реформы [В Политбюро., 2006. С. 331]. Горбачев снова заявляет о том, что реформа цен назрела. Но генсек по-прежнему боится социальных последствий [В Политбюро., 2006. С. 333].

Еще спустя несколько месяцев на ПБ 16 февраля 1989 года глава правительства Рыжков напомнил, что повышение цен ведет к социальной напряженности и угрожает перестройке [В Политбюро., 2006. С. 446]. Понять желание инициаторов перестройки избежать социальных потрясений можно. Проблема, однако, заключалась в том, что цены в итоге начали расти вопреки указаниям высшего руководства, но это не пошло на пользу ни авторитету власти, ни самой экономике. И как раз с 1989 года на фоне ухудшения экономической ситуации усилился социальный протест.

Боязнь негативных социальных последствий проявилась у руководства и при решении вопроса о допустимости безработицы. Непросто было перестроиться и психологически: с 1930-х годов подчеркивалось — в СССР гарантировано право на труд. Тем не менее вплоть до начала 1990-х годов руководители СССР всячески избегали, особенно на публике, разговоров на эту тему. Так, Горбачев на ПБ 23 июля 1987 года информировал коллег, что во время поездки в Зеленоград на вопрос граждан, будет ли безработица, дал отрицательный ответ [В Политбюро., 2006. С. 213]. Но в узком кругу на ПБ Горбачев уже в 1987 году признавал, что безработица в ходе реформы неизбежна, и призывал к этому готовиться. В экономике, по его словам, есть миллионы лишних людей, которых невозможно «кормить задаром» [В Политбюро., 2006. С. 187]. Однако слова Михаила Сергеевича не были реализованы в конкретных мерах.

В условиях объявленной радикальной экономической реформы неизбежно вставал вопрос о формах собственности. Но как было объяснить вдруг появившийся интерес к частной собственности после десятилетий ее огульного охаивания? Это была проблема не только теоретическая, но, подобно вопросу о безработице, также и психологическая. Для ее решения применялись следующие способы.

Прежде всего партийное руководство по старой привычке заглянуло в «святцы» — обратилось к классикам марксизма. По счастью оказалось, что у «отцов-основателей» можно без труда обнаружить нужные цитаты. Так, в августе 1987 года Горбачев выяснил, что Карл Маркс отнюдь не отрицал частной собствен-

ности при социализме/коммунизме [В Политбюро., 2006. С. 224]. Можно привести немало аналогичных примеров обращений и к ленинскому наследию, особенно периода нэпа. Подобные апелляции адресовались прежде всего тем ортодоксам в правящей партии, которые упорно продолжали линию на «укрепление и всемерное развитие» социалистической собственности.

Еще одним способом выхода из теоретического тупика стало установление своеобразной иерархии форм собственности. В связи с подготовкой закона о кооперации Горбачев на ПБ 19 февраля 1988 года сообщает: есть собственность государственная, она главная, социалистическая, а кооперативная — второстепенная [В Политбюро., 2006. С. 289–291].

Также одним из способов, позволявших обосновать необходимость частной собственности, стала игра в термины. Выражения «частная собственность» старались избегать, либо заменяя на формулировку «личная собственность», либо добавляя к эпитету «частная» призванные смягчить его характеристики «трудовая», «исключающая эксплуатацию» и пр. Тем самым всё еще пытались показать: хотя элементы частной собственности и вводятся, но совсем не в том виде, как у многожды раскритикованных капиталистов.

Постепенно к руководству страны приходило осознание необходимости структурных преобразований советской экономики. Становилось ясно, что привычный приоритет группы А уже не соответствует потребностям общества. На заседании ПБ 3 марта 1988 года Горбачев обращает внимание на то, что «на Западе сфера услуг — 80%, а у нас по-прежнему лишь 12, а то и 10% занятых в этой сфере. И всё гоним, гоним уголь, сталь и т. д.» [В Политбюро., 2006. С. 297]. Апелляция к отечественному опыту реформ использовалась и в этом случае. По мнению генсека, мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 года установил правильный подход к обмену между промышленностью и сельским хозяйством, но потом всё повернулось вспять [В Политбюро., 2006. С. 310].

Однако идеи структурных преобразований на этом этапе не получили серьезной практической реализации, чему активно противились как всё еще влиятельный военно-промышленный комплекс СССР, так и оппоненты из числа теоретиков, продолжавших бороться за чистоту марксизма [Игнатовский, Щегловский, 1989].

Естественно, что в условиях развертывания радикальной экономической реформы особые надежды руководства страны были связаны с экономической наукой. Но у экономистов даже по главным вопросам единства в тот момент не было, о чем свидетель-

ствуует запись совещания их видных представителей 23 октября и 1 ноября 1989 года.

Большинство участников совещания уже высказывались рыночно (Николай Яковлевич Петраков, Станислав Сергеевич Шаталин, Гавриил Харитонович Попов), но были и те, кто призывал не преуменьшать значения общенародной собственности [В Политбюро..., 2006. С. 519–521; Игнатовский, Щегловский, 1989]. Активные сторонники рынка, например Лариса Ивановна Пияшева, начали выступать открыто еще ранее [Попкова, 1987].

Демократические выборы 1989 года позволили реформаторски мыслящим экономистам стать народными депутатами СССР и с трибуны съезда высказывать идеи более решительного внедрения рыночных механизмов в советскую экономику [Народные депутаты..., 1990. С. 27–28, 49–52, 55, 58–61, 75, 88–89, 95–97, 102], Леонид Иванович Абалкин в качестве заместителя главы правительства СССР получил возможность реализовывать эти идеи на практике, хотя и встретил сопротивление коллег [Абалкин, 1991]. Результаты не были впечатляющими: даже в законопроекте «О собственности» не обошлось без попыток слегка замаскировать частную собственность, названную в документе «собственностью граждан» и определенную как «одна из форм социалистической собственности, несовместимая с отчуждением работников от средств производства и исключая эксплуатацию человека человеком» [Народные депутаты..., 1990. С. 176].

Такая же неопределенность наблюдалась в экономической науке и по другим принципиальным вопросам. В популярном в те годы сборнике статей отнюдь не ортодокс Виталий Аркадьевич Найшуль доказывал, что «представление о необходимости безработицы связано с расхожим примитивным образом рыночной экономики», предлагая едва ли реализуемые пути ее предотвращения. Он же полагал, что использование рыночных методов не только не усилит, но даже уменьшит дифференциацию доходов населения [Найшуль, 1989. С. 452–453].

Едва ли можно было в условиях интеллектуальной разногласии ожидать более резкого перехода к новой терминологии и практике. Но ухудшающаяся ситуация в экономике не могла ждать завершения этого транзита.

Далее обратимся к ожиданиям и представлениям рядовых граждан по вопросам экономической модели и ее реформирования. Социолог Татьяна Ивановна Заславская охарактеризовала общественное сознание советских людей следующими чертами: неприятие безработицы, ориентация на уравнилельные ценности и социальный инфантилизм — вера в неограниченные ресурсы советского государства, которое обязано удовлетворять потреб-

ности граждан независимо от количества и качества их труда [Народные депутаты..., 1990. С. 66–70]. Эти характеристики общественного сознания коррелируют с данными других опросов и содержанием писем граждан в руководящие инстанции.

Значительное внимание гражданами уделяется вопросам руководства экономикой. Многие из них по-прежнему убеждены, что при хорошем руководстве проблемы могут быть решены. Ветеран войны из Киева сетует: «Сегодня самофинансирование, самоокупаемость — явная фикция. Бюрократизм усилился. Нужны кадровые перемены» (М. Надеждин, ветеран войны, Киев, 1987)³¹. Опасной считает «чудовищную некомпетентность руководителей» экономист из Москвы (Ю. Панченко, отдел организации материально-технического снабжения Мосгорглавснаба, 1987)³². Авторы писем высказывают серьезные сомнения в способности существующих управленческих структур справиться с проблемами экономики: «...неужели серьезно можно надеяться, что перестройку нам осуществят... министерства и ведомства? Давайте проведем мысленный эксперимент: фирму “Панасоник” подчиним Министерству радиопромышленности СССР с его лимитами, фондами, планами, финансированием и прочей “китайской грамотой”... мне кажется, что в таких условиях прославленная фирма не то что видеомэгнитофона, а простого утюга не соберет! Социалистическое предприятие (объединение), наделенное широчайшими правами, — вот основная единица производства и управления!» (Е. Прошечкин, философ, Москва)³³. «Главный виновник продолжающихся штурмовщины и аврала — министерство» (коллектив работников Кишиневского завода холодильников)³⁴.

Ряд авторов корреспонденций пытается «копнуть поглубже». Экономист размышляет: «...надо жестким образом переформировать весь нынешний аппарат управления народным хозяйством, включая снабжение, пресечь любую возможность командования предприятиями, трестами со стороны министерств и ведомств» (В. Г. Забелин, кандидат экономических наук, Москва)³⁵. Многим тогда казалось, что стоит только дать больше свободы производителям — директорам предприятий, трудовым коллективам, и ситуация в экономике обязательно улучшится. Тем более в этом как будто убеждал опыт нэпа и косыгинской реформы. Но такие рассуждения уводили размышления о советской экономике в сто-

³¹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 214. Л. 24.

³² Там же. Л. 18.

³³ Там же. Д. 216. Л. 23–24.

³⁴ Там же. Л. 25.

³⁵ Там же. Д. 215. Л. 33–35.

рону от ее основ, которые продолжали считаться устойчивыми и в целом себя оправдавшими.

В качестве аргументов в пользу позиции, уводившей от указанных основ, привлекается и сравнение с капиталистической экономикой, с тем, «как у них». Коллектив донецких шахтеров поведал руководству следующую историю: «По штату у нас на шахте 550 забойщиков и почти столько инженерно-технических работников. Год назад в нашей городской газете было опубликовано интервью горловских шахтеров, побывавших и поработавших на шахтах в Испании. Так вот, там на шахтах (равносильных нашим) всего 2 человека с высшим образованием — директор и главный инженер. Задумаешься: неужели рабочий Иван глупее рабочего Фиделя, раз за каждым из нас должен стоять надзиратель и имитацией бурной деятельности ставить палки в колеса? Сокращение управленческого аппарата пошло бы на пользу дела» (коллектив работников шахты им. Изотова, Донецкая обл.)³⁶.

По мнению граждан, советская экономика — система, призванная обеспечивать гармонию цен и зарплат, не всегда проявляющуюся в реальности. В росте цен некоторые граждане обнаруживают корни теневой экономики: «До каких же пор в нашей стране будут повышаться цены? Масла нет. Мясо — раз в полгода (далее автор перечисляет высокие цены в кооперативных магазинах. — *Примеч. авт.*). Такой политикой цен Вы сами вынуждаете людей заниматься “левыми” доходами. Придумали: кооперативная торговля. Это настоящая спекуляция, только не граждан, а государства» (Владимирская обл., без подписи — сознательно)³⁷. Практически нигде в письмах граждан не найти примирения с необходимостью повышения цен.

Что касается зарплат, то здесь одним из зол часто называется уравниловка. Парадокс в том, что сами же граждане предлагают новые, более «цивилизованные» ее формы: «Уравнен в оплате хороший работник и плохой. А надо бы уравнивать в оплате специалистов одной квалификации, работающих на разных предприятиях, доярку и скотника и т. д. Выборность руководителя — дело правильное, но обязательно должен быть подотчетен коллективному органу предприятия» (В. Д. Афанасьев, Болшево, Московская обл.)³⁸.

Некоторые пытались найти объяснение современным трудностям в истории: «...еще в 1965 году предлагались радикальные меры, хотя и с меньшим размахом. Но мы более 20 лет топтались на месте. Не хватило ума и решительности... Сейчас мы во многом наверстываем упущенное» (В. А. Шахматов, Москва)³⁹.

³⁶ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 216. Л. 29–30.

³⁷ Там же. Д. 214. Л. 32.

³⁸ Там же. Л. 25.

³⁹ Там же. Д. 215. Л. 73.

Другая часть корреспондентов размышляет о совместимости ряда экономических инициатив с основами социализма. Так, внимание одного из авторов привлек вопрос, можно ли разрешать строительство теплиц. После просмотра телепередачи на эту тему у него сформировалось мнение, что владельцы теплиц эксплуатируют всё общество. Воду на полив получают по 10 коп. за 1 кв. м, за электроэнергию платят по 4 коп. за 1 кВт/ч, а «нам продают огурчики и помидорчики в десятикратном размере. Сталевар за год получает 6 тысяч рублей, из них шестую часть возвращает государству в виде налогов и членских взносов, а владелец теплицы получает за год до 30 тысяч и государству платит копейки»⁴⁰. Один из участников телепередачи на эту тему (декабрь 1986 года) дал справку секретарю обкома, что у него в области насчитывается 19 миллионеров, а те, у кого на счету 100–200 тыс. руб., не поддаются учету. «Хочется спросить у автора фильма, а сколько миллионеров было в этой области до 1917 года? Михаил Сергеевич, неужели ЦК КПСС откажется от борьбы с нетрудовыми доходами?» (И. Н. Николаев, трудовой стаж 56 лет, Волгоград)⁴¹.

Но были и те, кто решительно не разделял мнение ветерана труда из Волгограда. Например, его оппонентом был студент из Якутска: «Меня поразил один момент во время Вашего пребывания в Прибалтике (речь идет о визите М. С. Горбачева в 1987 году — *Примеч. авт.*) Какой-то молодой человек из толпы крикнул: “Не лучше ли разобраться с неурядицами в нашей промышленности, чем развивать личные подсобные хозяйства?” Смысл такой, что мы чуть ли не капитализм у себя возрождаем... Что ужасного в том, что человек будет работать на себя? Нам это не сдерживать, а пропагандировать надо» (С. Юрков, 21 год, студент Якутского госуниверситета)⁴². Нетрудно заметить почти дословную переключку этих мыслей с идеями самого Горбачева.

Иногда авторы ряда писем, как и члены ПБ, сетуют на проблемы в сфере экономической теории. Парторг из Алушты убежден: «...необратимой перестройке остро нужна рациональная теория. Теория, которая внятно отвечала бы... на вопросы: Какие именно стороны нашей социально-экономической системы подлежат преобразованию? В каком конкретно направлении? С каким темпом, до каких пределов?» (В. Зеленский, рабочий, секретарь первичной парторганизации, г. Алушта)⁴³. И в этом случае приходится констатировать, что быстро меняющаяся реальность опережала ус-

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 214. Л. 32–33.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Д. 215. Л. 76–77.

⁴³ Там же. Д. 216. Л. 50.

воение элитой и обществом рыночных идей. Это характерно и для третьего, завершающего перестройку этапа.

6. Тенденция консолидации представлений о необходимости перехода к рынку в условиях нарастания экономического и политического кризиса на третьем этапе (1990–1991)

На этом этапе в руководстве уже практически не оставалось сомнений, что надо двигаться к рынку. Но всё еще сохранялось действие факторов, и ранее препятствовавших рыночной трансформации. Существенная разница состоит в том, что в указанные годы это происходило в условиях неумолимо нарастающего экономического хаоса и распада союзного государства.

В сознании правящей элиты всё прочнее утверждалось мнение о безальтернативности рынка. Так, Горбачев на заседании Совета безопасности 30 апреля 1991 года призвал сохранить плановое воздействие, но в основном использовать экономические методы [В Политбюро., 2006. С. 660]. Но если союзное руководство о плане хотя бы упоминало, то в республиках ситуация совсем иная. На совещании у Горбачева 27 сентября 1990 года Рыжков с горечью констатировал, что «Россия планом на 1991 год не занимается, прибалты работу ведут, но от них нет информации, как и от Казахстана» [В Политбюро., 2006. С. 610]. Сегодня мы уже знаем, что прибалтийские республики на единый общесоюзный план давно махнули рукой.

Постепенно вырисовывалась новая модель советской экономики. Ее сущность четко сформулировал Президент СССР в личном послании руководителям государств «Большой семерки». 11 июля 1991 года Горбачев признал: мы за смешанную экономику, за равноправие всех форм собственности — государственной и частной. Включил в текст он и упоминания о конвертируемости рубля, об интеграции СССР в мировую экономику [В Политбюро., 2006. С. 688]. Рыжков был рад термину «планово-рыночная экономика», считая его находкой [В Политбюро., 2006. С. 546]. Момент показательный в том отношении, что в руководстве всё еще не были готовы совсем отказаться от идеи плана.

Однако грядущий, но никак не начинаемый переход к рынку по-прежнему имел свои ограничители в сознании руководства. По Абалкину, даже в 1990 году в обществе в целом господствовало убеждение, что можно разработать более мягкую программу перехода к рынку, чем предлагало правительство. К тому же весь 1990 год упрямо твердили про социалистический выбор [Абалкин, 1991. С. 171, 178], отклоняя всё, что в него не вписывалось по

соображениям идеологии. И в обществе, и в депутатском корпусе сохранялось представление о всемогуществе «центра», о возможности получить от него ресурсы путем силового давления [Абалкин, 1991. С. 186]. Даже в вопросе о собственности, казалось бы, уже решенном в пользу развития института частной собственности, встречались неожиданные повороты. Абел Гезевич Аганбегян слегка озадачил некоторых коллег суждением, что государственная собственность отнюдь не пройденный этап в истории экономической мысли: в Италии ею охвачено не менее 50% экономики, и это не сказывается отрицательно на результатах хозяйствования [Бирман, 2001. С. 275].

Не было единства и в ПБ. На его заседании 22 января 1990 года Лев Николаевич Зайков при обсуждении проекта платформы к Пленуму ЦК возмутился, вычитав не понравившуюся ему цитату: «Плата за землю — что это, землей торговать будем?» [В Политбюро., 2006. С. 549]. Александра Павловна Бирюкова осторожно напоминала, что люди боятся частной собственности и эксплуатации. Об издержках еще не введенного рынка говорил Медведев: мы сориентировались на рынок, а наши рыночные меры приводят рынок в еще большее расстройство [В Политбюро., 2006. С. 559].

Тем не менее крепло понимание того, что главное теперь — финансовая стабилизация, реформа цен. Рыжков даже сожалел, что в 1988 году дрогнули перед такой реформой. Но Медведев на совещании у Президента СССР 1 октября 1990 года выступил против монетаристских методов [В Политбюро., 2006. С. 612], что противоречит приведенному выше обвинению его Рыжковым в «лево-радикальности». На Президентском совете 31 октября 1990 года против реформы розничных цен высказался Шаталин [В Политбюро., 2006. С. 624]. Наконец, на заседании Президентского совета 5 ноября 1990 года Медведев подверг критике предложение Абалкина о переносе центра тяжести в стабилизации рынка на повышение цен и предложил его отложить [В Политбюро., 2006. С. 627]. На заседании Госсовета 4 ноября 1991 года, когда все признали: экономика на грани коллапса, — Горбачев рассуждает о том, что нельзя отпустить цены, не решив вопроса о монополистах, не сократив расходную часть бюджета, не простимулировав предпринимателей, не успокоив общество тем, что регулирование цен на некоторые продукты будет сохранено [В Политбюро., 2006. С. 716]. О том же говорил Петраков на совещании экономистов у Президента СССР 11 ноября 1991 года: введение свободных цен возможно только на базе приватизации [В Политбюро., 2006. С. 720]. Очевидно, что руководство СССР до самого конца союзного государства так и не придумало, как объяснить гражданам переход к рынку.

Что же касается возможности войти в рынок с другой стороны — через приватизацию, то и на этом направлении дело застопорилось. 15 июня 1991 года на совещании у президента по вопросам приватизации Владимир Иванович Щербаков говорил о том, что без приватизации переход к рынку невозможен. Горбачев предложил всё «взвесить и обсудить» [В Политбюро., 2006. С. 677]. После августовских событий того же года «взвешивать и обсуждать» стало уже некогда, особенно республиканским элитам, как теперь известно, давно размышлявшим над переходом к рынку отдельно от СССР. Приближавшийся крах самого Советского Союза отодвинул дискуссии о советской экономике на второй план, переадресовав их «по наследству» образовавшимся на месте СССР государствам.

Таким образом, на завершающем этапе существования сталинской экономической модели сложился определенный общественный консенсус в вопросе о том, что эта модель не может быть сохранена и нуждается в замене системой со значительной ролью рынка. Но на момент распада СССР согласия в обществе по вопросу о том, как и в какие сроки переходить к новой модели, руководству страны, экономистам, обществу в целом достичь так и не удалось, что существенно осложнило переход к рынку после распада СССР.

Заключение

В течение всего советского периода не прекращалось изучение природы советской экономики и путей ее совершенствования. Такие размышления вызывались неудовлетворенностью текущей экономической ситуацией, что порождало хозяйственные реформы. В свою очередь, критика результатов самих этих реформ становилась мотиватором дальнейшей эволюции экономической мысли. Узловые пункты этих интеллектуальных поисков выстраиваются цепочкой от нэпа до горбачевской перестройки. В каждом из них инициаторами исследований являлась высшая власть, лидеры партии и государства, что естественно для такой системы, как советская. Каждый раз результатом становились идеи по преобразованию советской экономики. Вместе с тем сам объект реформирования не был достаточно осмыслен на теоретическом уровне: ключевой особенностью советского проекта было то, что мозговой штурм мог легализовать лишь лидер партии. Коллективными и порой разнонаправленными усилиями всё большего (по ходу советской истории) количества субъектов преобразований постепенно (медленнее, чем хотелось бы задним числом) формулировались те идеи, которые трансформировали мобили-

зационный режим управления народным хозяйством, увеличивая значение экономических методов. Плод должен был созреть. Именно поэтому, на наш взгляд, опыт формирования парадигмы косыгинской реформы нельзя считать только печальным и тем более бесполезным. Несмотря на трудности и противоречия (которые не удалось преодолеть), был создан задел, отталкиваясь от которого общество в горбачевский период сделает следующие шаги в осмыслении феномена советской экономики.

Вместе с тем вряд ли оправданно примерять на Косыгина роль советского Дэн Сяопина. Теоретически можно допустить, что если бы руководители страны были готовы углублять рыночные начала экономической реформы 1965 года, таким образом снимая ее противоречия, СССР получил бы шанс перехода к рыночной экономике без шоковой либерализации 1990-х годов. Но, как гласит прописная истина, история не знает сослагательного наклонения. Несмотря на то что необходимость повышения эффективности экономической модели для решения задач нового витка модернизации была очевидна современникам, практический и теоретический поиск, развернувшийся накануне войны и продолженный после победы, выявлял узкие места, сдвигал идеологию, а вслед за ней и экономическую стратегию в сторону общества изобилия, тем не менее осмысление проблемы не привело к формированию целостной концепции, опиравшейся на общественный консенсус. Решение этой задачи требовало смены геополитических приоритетов и ревизии идеологии [Аксютин, 2010. С. 601]. Не только в середине 1960-х, но даже спустя двадцать лет ни к тому ни к другому правящая элита, научное сообщество, советские граждане готовы не были. Этот путь занял примерно полвека — не так много по историческим меркам.

Безусловно, экономические преобразования перестройки нередко рассматриваются как одна из главных причин краха социалистической системы и советского союзного государства. Но даже если согласиться с этим, то невозможно отрицать наличие стержня, объединяющего все размышления о повышении эффективности народного хозяйства. Таковым, на наш взгляд, является стремление внедрить в командную систему хозяйства экономические стимулы, дать больше прав и ответственности производителям, обеспечить насыщение потребительского рынка и т. п. Речь, по сути, шла о том, чтобы, отвергая на словах рыночные механизмы, инкорпорировать отдельные их элементы в плановую экономику. Понимание такой необходимости вызревало на всех уровнях общества, хотя и с разной скоростью. Правящая элита начала проникаться этими идеями еще до войны и получила в этом поддержку у экономистов-практиков, которым было необ-

ходимо обеспечить выполнение плановых заданий, а также у ряда теоретиков. Сложнее обстояли дела с рядовыми гражданами, на экономическое сознание которых на каждом этапе влияли многочисленные и порой разнонаправленные факторы. В целом же и к началу 1990-х годов советское общество, всё больше рассуждая о рынке, в значительной своей части оказалось к реальному рынку не подготовленным, что отразилось на крайне болезненном вращении в рыночные отношения в 1990-е годы.

Практический урок заключается в том, что косность и догматизм мышления, следование изжившим себя традициям не могут отменить общественный прогресс — но делают цену, которую платит за него общество, весьма значительной.

Литература

1. Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.
2. Авен П., Кох А. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013.
3. Аксютин Ю. В. Хрущёвская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.
4. Атлас М., Кадышев Л., Макарова М., Сорокин Г., Фигурнов П. Об основном экономическом законе // Вопросы экономики. 1962. № 1. С. 39–52.
5. Белик Ю. Величественная программа повышения жизненного уровня советского народа // Плановое хозяйство. 1962. № 1. С. 3–13.
6. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX — начала XX в. // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 1–29. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46.
7. Белых А. А., Мау В. А. Экономические реформы в СССР: 1921–1985 гг. // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 81–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108.
8. Беспятова Е. Б. Некоторые аспекты мотивации труда руководящих работников в контексте корректировки «сталинской» экономической модели // Зигзаги и тупики российской модернизации (кон. XIX – нач. XXI вв.): коллективная монография в честь 85-летия В. В. Журавлева. М.: БукЭксперт, 2023. С. 233–252.
9. Бирман И. Я — экономист (о себе, любимом). М.: Время, 2001.
10. Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М.: Республика, 1995.
11. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.
12. Вознесенский Н. А. К вопросу об экономике социализма // Большевик. 1931. № 23–24. С. 33–54.
13. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021.
14. Горбачев М. С. Жизнь и реформы: в 2 кн. Кн. 1. М.: Новости, 1995.
15. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Кн. 1: Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
16. Журавлев В. В., Лазарева Л. Н. «Нужно поднять уровень экономических знаний». Сталинская метода создания учебника политической экономики // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.

17. Журавлев В. В. Советский закон о национализации недвижимости в городах и его долговременные социокультурные следствия // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. С. 797–804.
18. Земсков В. Н. Сталинская эпоха. Экономика, репрессии, индустриализация. 1924–1954. М.: Вече, 2018.
19. Игнатовский П. А., Щегловский В. И. Советская экономика: опыт и перспективы. М.: Политиздат, 1989.
20. Кронрод Я. А. За творческую дискуссию против схоластики // Проблемы экономики. 1940. № 11. С. 65–79.
21. Мау В. А. Государство и экономика: опыт экономических реформ. М.: Дело, 2017.
22. Медведев В. А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М.: Международные отношения, 1994.
23. Найшуль В. А. Проблема создания рынка в СССР // Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / ред.-сост. Ф. М. Бородин, Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989. С. 441–454.
24. Народные депутаты СССР: экономика сегодня и завтра: сборник / сост. С. Н. Красавченко, Г. Л. Подвойский. М.: Московский рабочий, 1990.
25. Островитянов К. В. Политическая экономия. М.: Советские учебники, 2021.
26. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 3: Социалистические партии / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2022.
27. Попкова Л. Где пышнее пироги? // Новый мир. 1987. № 5. С. 239–241.
28. Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А. Н. Косыгине / сост. Т. И. Фетисов. М.: Республика, 1997.
29. Реформы в России с древнейших времен до наших дней: в 4 т. Т. 4: 1917–1991 гг. / отв. ред. В. В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2016.
30. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995.
31. Сафронов А. Большая советская экономика: 1917–1991. М.: Individuum; Эксмо, 2025.
32. Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. М.: Прогресс-Академия, 1994.
33. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
34. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
35. Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
36. Телицын В. Л. Алексей Косыгин. «Второй» среди «первых», «первый» среди «вторых». М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2022.
37. «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». Беседы И. В. Сталина с учеными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. / пуб. подготовил В. Г. Бухер // Исторический архив. 2012. № 4. С. 3–31.
38. Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 1999.
39. Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Центрполиграф, 2016.
40. Шепилов Д. Т. Непримкнувший. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2017.

References

1. Abalkin L. I. *Neispol'zovannyi shans. Poltora goda v pravitel'stve [The Unused Chance. One and a Half Years in the Government]*. Moscow, Politizdat, 1991. (In Russ.)
2. Aven P., Kokh A. *Revolutsiya Gaydara. Istoriya reform 90-kh iz pervykh ruk [Gaidar's Revolution. A First-Hand History of the Reforms of the 1990s]*. Moscow, Al'pina Publisher, 2013. (In Russ.)

3. Aksyutin Yu. V. *Khrushchevskaya "ottepel'" i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953-1964 gg.* [Khrushchev's "Thaw" and Public Sentiment in the USSR in 1953-1964]. Moscow, ROSSPEN; Boris Yeltsin Presidential Center Foundation, 2010. (In Russ.)
4. Atlas M., Kadyshch L., Makarova M., Sorokin G., Figurnov P. Ob osnovnom ekonomicheskom zakone [On the Basic Economic Law]. *Voprosy ekonomiki*, 1962, no. 1, pp. 39-52. (In Russ.)
5. Belik Yu. Velichestvennaya programma povysheniya zhiznennogo urovnya sovetskogo naroda [The Majestic Program for Raising the Standard of Living of the Soviet People]. *Planovoe khozyaystvo [Planned Economy]*, 1962, no. 1, pp. 3-13. (In Russ.)
6. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v Rossii: voprosy teorii i praktika XIX - nachala XX v. [Economic Reforms in Russia: Theoretical Aspects and the Practice of 19th - Early 20th Century]. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 1, pp. 1-29. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-1-18-46. (In Russ.)
7. Belykh A. A., Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v SSSR: 1921-1985 gg. [Economic Reforms in the USSR: 1921-1985]. *Voprosy ekonomiki*, 2023, no. 11, pp. 81-108. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-81-108. (In Russ.)
8. Bespyatova E. B. Nekotorye aspekty motivatsii truda rukovodyashchikh rabotnikov v kontekste korrekirovki "stalinskoy" ekonomicheskoy modeli [Some Aspects of Motivation of Management Employees in the Context of Adjustment of the "Stalinist" Economic Model] // *Zigzagi i tupiki rossiyskoy modernizatsii (kon. XIX - nach. XXI vv.): kollektivnaya monografiya v chest' 85-letiya V. V. Zhuravleva [Zigzags and Dead Ends of Russian Modernization (Late 20th - Early 21st Centuries): Collective Monograph in Honor of the 85th Anniversary of V. V. Zhuravlev]*. Moscow, BukEkspert, 2023, pp. 233-252. (In Russ.)
9. Birman I. Ya - ekonomist (o sebe, lyubimom) [I Am an Economist (About Myself - Beloved)]. Moscow, Vremya, 2001. (In Russ.)
10. Boldin V. I. *Krushenie pedestal. Shtrikhi k portretu M. S. Gorbacheva [The Collapse of the Pedestal. Strokes to the Portrait of M. S. Gorbachev]*. Moscow, Respublika, 1995. (In Russ.)
11. Chernyaev A., Weber A., Medvedev V. (eds.). *V Politbyuro TSK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhmazarova (1985-1991) [In the Politburo of the Central Committee of the CPSU... Based on the Notes of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhmazarov (1985-1991)]*. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2006. (In Russ.)
12. Voznesenskiy N. A. K voprosu ob ekonomike sotsializma [On the Question of the Economics of Socialism]. *Bolshevik*, 1931, no. 23-24, pp. 33-54. (In Russ.)
13. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskemu chudu [Growth Crystal for the Russian Economic Miracle]*. Moscow, Nashe zavtra, 2021. (In Russ.)
14. Gorbachev M. S. *Zhizn' i reformy: v 2 kn. Kn. 1 [Life and Reforms, in 2 books. Book 1]*. Moscow, Novosti, 1995. (In Russ.)
15. Grushin B. A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbachova i Yeltsina: v 4 kn. Kn. 1: Epokha Khrushcheva [Four Lives of Russia in the Mirror of Public Opinion Polls. Essays on the Mass Consciousness of Russians During the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev, and Yeltsin, in 4 books. Book 1. The Khrushchev Era]*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. (In Russ.)
16. Zhuravlev V. V., Lazareva L. N. "Nuzhno podnyat' uroven' ekonomicheskikh znaniy". Stalinskaya metoda sozdaniya uchebnika politicheskoy ekonomiki ["It Is Necessary to Raise the Level of Economic Knowledge." Stalin's Method of Creating a Textbook on Political Economy]. *Rodina [Homeland]*, 2014, no. 3, pp. 54-61. (In Russ.)
17. Zhuravlev V. V. Sovetskiy zakon o natsionalizatsii nedvizhimosti v gorodakh i ego dolgovremennyye sotsiokul'turnye sledstviya [The Soviet Law on the Nationalization of Real Estate in Cities and Its Long-Term Socio-Cultural Consequences]. In: *Uroki Oktyabrya i praktiki sovetsskoy sistemy. 1920-1950-e gody: Materialy X mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 5-7 dekabrya 2017 g. [Lessons of October and the Practices of the Soviet System. 1920-1950s: Proceedings of the 10th International Scientific Conference. Moscow,*

- 5-7 December 2017]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya; Boris Yeltsin Presidential Center, 2018, pp. 797-804. (In Russ.)
18. Zemskov V. N. *Stalinskaya epokha. Ekonomika, repressii, industrializatsiya. 1924-1954* [The Stalin Era. Economy, Repressions, Industrialization. 1924-1954]. Moscow, Veche, 2018. (In Russ.)
 19. Ignatovskiy P. A., Shcheglovskiy V. I. *Sovetskaya ekonomika: opyt i perspektivy* [Soviet Economy: Experience and Prospects]. Moscow, Politizdat, 1989. (In Russ.)
 20. Kronrod Ya. A. *Za tvorcheskuyu diskussiyu protiv skholastiki* [For a Creative Discussion Against Scholasticism]. *Problemy ekonomiki* [Problems of Economics], 1940, no. 11, pp. 65-79. (In Russ.)
 21. Mau V. A. *Gosudarstvo i ekonomika: opyt ekonomicheskikh reform* [State and Economy: Experience of Economic Reforms]. Moscow, Delo, 2017. (In Russ.)
 22. Medvedev V. A. *Raspad. Kak on nazreval v "mirovoy sisteme sotsializma"* [The Collapse. How It Was Brewing in the "World System of Socialism"]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. (In Russ.)
 23. Nayshul V. A. *Problema sozdaniya rynka v SSSR* [The Problem of Creating a Market in the USSR]. In: Borodkin F. M., Kosals L. Ya., Ryvkina R. V. (eds.). *Postizhenie: Sociologiya. Social'naya politika. Ekonomicheskaya reforma* [Comprehension: Sociology. Social Policy. Economic Reform]. Moscow, Progress, 1989, pp. 441-454. (In Russ.)
 24. Krasavchenko S. N., Podvoyskiy G. L. (eds.). *Narodnye deputaty SSSR: ekonomika segodnya i zavtra: sbornik* [People's Deputies of the USSR: Economy Today and Tomorrow: Collection]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1990. (In Russ.)
 25. Ostrovityanov K. V. *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy]. Moscow, Sovetskie uchebniki, 2021. (In Russ.)
 26. Zhuravlev V. V. (ed.). *Politicheskie partii Rossii. Konets XIX - nachalo XX v.: v 3 t. T. 3: Sotsialisticheskie partii* [Political Parties of Russia. Late 19th - Early 20th Century, in 3 vols. Vol. 3: Socialist Parties]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2022. (In Russ.)
 27. Popkova L. *Gde pyshnee pirogi?* [Where Are the Pies Fluffier?]. *Novyy mir* [New World], 1987, no. 5, pp. 239-241. (In Russ.)
 28. Fetisov T. I. (ed.). *Prem'ér izvestnyy i neizvestnyy: Vospominaniya o A. N. Kosyginе* [The Prime Minister Known and Unknown: Memories of A. N. Kosygin]. Moscow, Respublika, 1997. (In Russ.)
 29. Zhuravlev V. V. (ed.). *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 4 t. T. 4: 1917-1991 gg.* [Reforms in Russia From Ancient Times to the Present Day, in 4 vols. Vol. 4: 1917-1991]. Moscow, ROSSPEN, 2016. (In Russ.)
 30. Ryzhkov N. I. *Desyat' let velikikh potryaseniy* [Ten Years of Great Upheavals]. Moscow, Association "Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie," 1995. (In Russ.)
 31. Safronov A. *Bol'shaya sovetskaya ekonomika: 1917-1991* [The Great Soviet Economy: 1917-1991]. Moscow, Individuum, Eksmo, 2025. (In Russ.)
 32. Sogrin V. V. *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii. 1985-1994. Ot Gorbacheva do Yeltsina* [Political History of Modern Russia. 1985-1994. From Gorbachev to Yeltsin]. Moscow, Progress-Akademiya, 1994. (In Russ.)
 33. Stalin I. V. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of Socialism in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1952. (In Russ.)
 34. Zhuravlev V. V., Lazareva L. N. (eds.). *Stalinskoe ekonomicheskoe nasledstvo: plany i diskussii. 1947-1953 gg.: Dokumenty i materialy* [Stalin's Economic Legacy: Plans and Discussions. 1947-1953: Documents and Materials]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2017. (In Russ.)
 35. Mau V., Starodubrovskaya I. *The Challenge of Revolution: Contemporary Russia in Historical Perspective*. New York, Oxford University Press, 2001.
 36. Telitsyn V. L. *Aleksey Kosygin. «Vtoroy» sredi «pervykh», «pervyy» sredi «vtorykh»* [Alexey Kosygin. "The Second" Among the "First", "The First" Among the "Second"]. Moscow, AFK "Sistema," Politicheskaya entsiklopediya, 2022. (In Russ.)
 37. Bukher V. G. (ed.). *"Uchebnik dolzhen pol'zovat'sya neprerekaemym avtoritetom."* *Besedy I. V. Stalina s uchenymi-ekonomistami. 1941, 1950, 1952 gg.* ["The Textbook Must En-

- joy Unquestionable Authority.” Conversations of I. V. Stalin With Economists. 1941, 1950, 1952]. Istoricheskii arkhiv [Historical Archive], 2012, no. 4, pp. 3-31. (In Russ.)
38. Chuev F. I. *Molotov: Poluderkhavnyy vlastelin* [Molotov: The Semi-Sovereign Ruler]. Moscow, Olma-Press, 1999. (In Russ.)
39. Shelest P. E. *Da ne sudimy budete. Dnevnik i vospominaniya chlena Politbyuro TsK KPSS* [Let Ye Not Be Judged. Diaries and Memoirs of a Member of the Politburo of the Central Committee of the CPSU]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2016. (In Russ.)
40. Shepilov D. T. *Nepriknuvshiy. Vospominaniya* [Non-Aligned. Memories]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2017. (In Russ.)